

Лицо Ся Лань в мгновение ока сделалось мертвенно-бледным. Она истошно вскрикнула:

— Лин И?! Этот мерзавец... он ворвался к Лин И?!

— Перестань ломать комедию! — на лице госпожи Ши отразилось глубокое отвращение. — Его перехватили, едва он переступил порог внутренних ворот, но Лин И всё равно была оскорблена! Всё из-за тебя, негодной бабы! Вечно ищешь на свою голову беду! Если бы не бдительность дворовых нянек, случилась бы непоправимая беда. Подумала ли ты, каково пришлось бы репутации Лин И?! Ты ведь родила и вырастила её, а в твоём сердце нет ни капли материнской нежности!

Стоило госпоже Ши представить, какая гнилая тень могла лечь на чистые имена юных дев её рода, как гнев вспыхнул в ней с новой силой. Не помня себя от ярости, она подскочила к Ся Лань и нанесла ей несколько крепких ударов носком туфли. Старые няньки тут же засуетились, принялись уговаривать госпожу успокоиться и усадили её в кресло. Лишь сделав несколько глотков поданного чая, госпожа Ши немного пришла в себя.

Няня Ли, стоявшая подле своей госпожи, тихо промолвила:

— Госпожа, утишите гнев, тут надобно рассудить здраво. Слава предкам, этот негодяй Ся Гуан набрёл туда по чистой глупости и саму старшую барышню даже не узрел. Наказать паршивца — долг праведный, и госпожа вольна поступить с ним со всей строгостью, однако нельзя забывать о чести барышни. Пройдёт всего пара лет, и обоим нашим молодым господам придётся подыскивать женихов. Если поползут грязные слухи, беды не миновать.

Обо всём этом госпожа Ши думала и сама, но именно эти мысли пуще прежнего разжигали в ней злость. Случился позор, плюнули в лицо всей семье, а ей приходится сдерживать себя и таить обиду! словно при переломе — прятать сломанную руку в широкий рукав, дабы никто со стороны не заметил увечья. Иначе пострадают репутации обеих девочек, и их жизнь будет разрушена.

Ся Лань всё просчитала, выстроила хитрую ловушку, но и в самом кошмарном сне не могла помыслить, что её непутёвый братец Ся Гуан забредёт в покои её собственной дочери Лин И. Она сама подняла камень, который рухнул на её же ноги. Обида и боль разрывали грудь, но вымолвить правду она не смела. Едва услышав слова няни Ли, Ся Лань опомнилась и принялась неистово бить поклоны, размазывая по щекам слёзы:

— Этот подлец заслуживает лютой смерти! Но пощадите... умоляю вас, госпожа, сжальтесь ради нашей юной барышни!..

Госпожа Ши устало прикрыла глаза и бесстрастно произнесла:

— Ся Гуан — не раб нашего поместья, держать его взаперти вечно мы не можем. Отошлите его прочь. Пусть примкнёт к родичам жены Чжоу Фу, которые водят торговые караваны на север.

В ближайшие годы пусть даже не думает возвращаться в столицу. А что до тебя, Ся...

— Госпожа!.. — Ся Лань без сил распласталась на полу.

Услышав решение отослать брата с торговым караваном, она похолодела от ужаса. Чжоу Фу служил управителем в поместье маркиза Шоукан, а родня его жены исстари промышляла опасным извозом на диком севере. Каждый такой поход затягивался на долгие месяцы, дорога изобиловала лишениями, разбойниками и суровыми стужами, и редкий наёмный работник не погибал в пути от болезней или истощения... Ся Лань в отчаянии замотала головой, глотая горькие слёзы, но пуще всего она боялась кары, которая вот-вот обрушится на неё саму.

Госпожа Ши с ледяным презрением оглядела пресмыкающуюся перед ней женщину:

— Ся... Ты лишена и добродетели, и благопристойности. Отныне тебе строго-настрого запрещено покидать пределы внутренних покоев. Сиди в своей комнате, возжигай благовония и моли Будду о прощении грехов. Тебе более не дозволено видаться ни со старшей барышней Лин И, ни со старшим молодым господином Лин Сюанем. Раз уж у тебя самой нет ни капли заботы о них, я сама поберегу их судьбы. Не позволю такой подлой твари пустить прахом их блестящее будущее.

Договорив, она оперлась на руку няни Ли, медленно поднялась с кресла и величественно покинула комнату.

Ся Лань безжизненно рухнула на холодные доски пола. По щекам её катились беззвучные слёзы. Столько трудов, столько потраченного серебра — и ради чего?! Вместо того чтобы очернить девчонку Лин Чжи, её глупый брат залез во дворик её собственной ненаглядной Лин И! И теперь ей даже запретили видаться с детьми... Уткнувшись лицом в шёлковый платок, она безутешно разрыдалась. Спустя долгое время Ся Лань кое-как поднялась на ноги, её заплаканные глаза яростно сверкнули. Повернувшись к робко стоявшей в углу служанке, она прошипела сквозь зубы:

— Ступай! Приведи ко мне старуху Цзи и старуху Ван! Я сама спрошу с этих старых тварей, как они посмели так обойтись со мной!

Не прошло и четверти часа, как обе старухи явились. Они стояли у порога, низко склонив головы и храня угрюмое молчание.

Ся Лань злорадно усмехнулась:

— Что же вы языки проглотили? Или не догадываетесь, зачем я вас позвала?! Взяли у меня столько звонкого серебра, а сами что натворили?!

Старуха Ван помедлила, а затем выдавила тихим голосом:

— Ваша слуга право не ведает, о чём изволит говорить тётушка Ся.

Ся Лань от ярости зашлась безумным смехом и бросилась на них, готовая вцепиться ногтями в дряблые лица. Однако старуха Цзи спокойно, даже с некоторой прохладцей, произнесла:

— Тётушка Ся вправду желает, чтобы мы раскрыли рты? Что ж, мы можем позвать госпожу Ши и в подробностях поведать ей, какие поручения вы нам давали несколько дней назад. Заодно и выясним, не возводим ли мы на вас напраслину.

Услышав это, Ся Лань вновь покрылась холодным потом, но попыталась сохранить остатки самообладания:

— Пугать меня вздумали, старые ведьмы?

— Не дерзнули бы, — всё так же бесстрастно ответила старуха Цзи. — Тот дурак забрёл во дворик старшей барышни. Даже если мы явимся к госпоже Ши и заявим, будто это ваших рук дело, она едва ли поверит, что родная мать станет так марать имя собственной дочери. Посему советуем вам, тётушка, смирить свой пыл. Всё уже свершилось, виновные наказаны, к чему вам лишний раз травить себе душу?

Ся Лань до боли сжала челюсти — она готова была живьём загрызть этих двух старых кашёлок. Но крыть было нечем. Госпожа Ши не стала копать глубже лишь потому, что дрожала за честь юных дев рода, да и в глупое оправдание Ся Лань она действительно поверила. Какая бы корыстная и вздорная ни была наложница Ся, даже последняя дура не подставит собственную дочь под удар. Если бы Ся Гуана поймали у Лин Чжи, госпожа Ши сразу бы учуяла неладное. Но тут... Ся Лань попала в собственную ловушку, и жаловаться было некому.

Она выжала из себя свирепую усмешку:

— Прекрасно! Славно сработали! Ответьте мне лишь на один вопрос: серебра я вам отсыпала немало, отчего же вы в последний момент изменили уговор?! Кто за этим стоит? Неужели...

На самом деле, призывая старух к ответу, Ся Лань больше всего боялась узнать правду: кто раскрыл её замысел? Судя по поведению госпожи Ши, та оставалась в неведении. Малышка Лин Чжи слишком юна и глупа, чтобы проверить такое. Неужто... Нет, быть того не может! Он ведь сейчас находится глубоко в императорском дворце!

«Но ведь...» — перед глазами Ся Лань вдруг возник утончённый, всегда спокойный и насмешливый лик Лин Сяо.

От этой мысли по её спине пробежал ледяной озноб.

Старуха Цзи тонко усмехнулась:

— Об этом вам, тётушка, лучше поразмыслить наедине с собой. Нам же не пристало задерживаться здесь, впереди ещё много забот по хозяйству.

С этими словами обе старухи отвесили небрежный поклон и вышли за дверь.

Ся Лань без сил опустилась на пол. Ей вспомнились слова её сына Лин Сюаня, который два месяца назад, едва получив чин, взволнованно прибежал к ней с какими-то подозрениями. Тогда она отмахнулась от его предостережений. Когда-то она лично подсыпала маленькому Лин Сяо мышьяк, и никто, абсолютно никто не мог об этом разузнать! Неужели Лин Сяо помнил всё сам, будучи двухлетним младенцем?

«Да нет, это невозможно! — Ся Лань затряслась, обхватив плечи руками. — Но если это его рук дело... Он заперт во дворце, за высокими стенами, и всё равно сумел сотворить такое! Выстроил ловушку так, что мне приходится глотать собственные выбитые зубы и молчать!»

Лицо её сделалось бледнее мела, а тело забилося в крупной дрожи от липкого, всепоглощающего страха.

— О царь! К чему непременно говорить о выгоде? Достаточно ведь одного лишь человеколюбия и справедливости... — великий учёный Цзян монотонно, нараспев читал строки из трактата «Мэн-цзы».

Поскольку второй императорский внук Чу Ифэн совершенно не преуспевал в науках, Наследный принц во время недавней проверки знаний устроил ему суровый разнос и велел заново пройти весь курс Четверокнижия и Пятиканония вместе с четвёртым императорским внуком. Так в просторном учебном зале появились два дополнительных стола и два кресла, куда и усадили Чу Ифэна вместе с его верным сопровождающим Вэй Цинланем.

Чу Ифэн был рождён для ратных дел: в искусстве владения оружием и тактике боя ему не сыскалось бы равных среди сверстников, но сухие книжные премудрости нагоняли на него лишь тоску. Впрочем, юноша нимало не печалился по этому поводу. Отец наказывал его за нерадивость в учении едва ли не каждую неделю, так что гнев Наследного принца давно перестал его пугать. Не в силах уразуметь унылое бормотание наставника, Чу Ифэн подпёр щёку ладонью и, улучив момент, то и дело украдкой оглядывался на сидевшего позади Лин Сяо.

Чу Ифэн и сам не понимал, что с ним творится. Его неодолимо тянуло смотреть на Лин Сяо. Да, Лин Сяо отличался поразительно тонкими, изящными чертами лица, но во дворце хватало признанных красавцев. И всё же взгляд Чу Ифэна раз за разом возвращался именно к нему. Ему безумно нравилось всё в Лин Сяо: его спокойствие, благородная осанка, каждое плавное движение рук. Он готов был созерцать юношу часами, и ему всё казалось мало.

Лин Сяо сидел с едва заметной полуулыбкой на губах. Он тоже не вслушивался в разглагольствования учителя — его мысли занимали утренние вести из поместья маркиза Шоукан. Он с наслаждением представлял, в каком жалком и безвыходном положении оказались теперь Ся Лань и её дочь Лин И. Вздумали подкупить слуг из павильона Полоскания Яшмы! Какая глупость. Люди, которых он приблизил к себе, славились неподкупной верностью. Пусть сам он сейчас находился во дворце, ни одна ниточка в поместье маркиза Шоукан не могла ускользнуть из его пальцев. Захотели перевернуть всё вверх дном в его отсутствие? Что ж, пусть продолжают тешить себя несбыточными грёзами.

Лин Сяо слегка прищурился. На душе было до крайности легко и отратно. По правде говоря, ему очень хотелось в пух и прах уничтожить репутацию этой змеи Лин И, чтобы ни один приличный дом вовек не принял её в качестве невесты. Однако грязная тень неминуемо легла бы и на его сестру, Лин Чжи.

«Ладно уж, — снисходительно подумал он. — На этот раз обойдёмся малым уроком».

Когда Чу Ифэн в очередной раз обернулся, он застал Лин Сяо улыбающимся. Сердце молодого князя вдруг испуганно затрепетало, а к щекам прилил жар. Их взгляды встретились. Лин Сяо и сам находил этого простодушного юношу весьма занятным: черты лица второго императорского внука были мужественными и привлекательными, но, что куда важнее, в его глазах читалась детская наивность. Рядом с ним Лин Сяо не приходилось ухищряться и плести интриги. Он мягко улыбнулся Чу Ифэну, отчего тот окончательно смутился. Вмиг покраснев до ушей, Чу Ифэн уткнулся пылающим лицом в широкие шёлковые рукава и больше не осмеливался оглядываться до самого конца урока.

Не слушал учителя и Вэй Цинлань. Из поколения в поколение род Вэй взращивал прославленных полководцев, но нынешний старший сын и наследник стал редким исключением. Он рано проявил блестящий ум и уже к десяти годам прослыл в столице непревзойдённым вундеркиндом. Став спутником в учении для Чу Ифэна и пройдя обучение у лучших умов империи, юноша обрёл поистине выдающиеся познания. И теперь, вынужденный из-за нерадивости своего господина вновь перечитывать прописные истины «Мэн-цзы», он предавался тихой меланхолии непризнанного гения, бездумно вертя в пальцах кисть для письма.

Единственным, кто слушал лекцию со всем прилежанием, был четвёртый императорский внук Чу Иянь. Накануне вечером матушка, Наследная принцесса, строго-настрого наказала ему показать блестящие успехи, пообещав лично расспросить о пройденном уроке. Страшась её гнева, маленький Чу Иянь прилежно подпёр пухлую щёчку кулачком и внимал каждому слову наставника с самым благоговейным видом.

Вскоре уроки подошли к концу, и ученики стали расходиться. Слуги Наследной принцессы увели Чу Ияня в её покои пить чай. Лин Сяо не спеша приводил в порядок свой письменный стол, когда заметил, что Чу Ифэн всё ещё топчется у дверей.

С улыбкой взглянув на него, Лин Сяо спросил:

— Почему второй императорский внук не торопится уходить?

Чу Ифэн, чьё лицо всё ещё заливал лёгкий румянец, замялся, не зная, как начать разговор. Несмотря на юные годы, в походах он уже проявлял себя как решительный и волевой воин, но в присутствии Лин Сяо вся его смелость куда-то улетучивалась. Он терялся, боясь сморозить глупость или показаться навязчивым.

Помедлив, он неловко пробормотал:

— Ты... гм... Я заметил, ты ни разу не надевал ту нефритовую подвеску. Она тебе не по душе?

Лин Сяо почтительно и мягко улыбнулся:

— Что вы, Ваше Высочество. Подвеска, которую вы сообразовали мне преподнести, — поистине драгоценное сокровище. Нефрит редчайшей чистоты, да к тому же старинной работы. Ваш слуга безмерно дорожит этим даром и просто не решается носить его повседневно, оберегая в самом надёжном ларце.

— Ты... — Чу Ифэн долго переминался с ноги на ногу, прежде чем выдал из себя: — Я знаю, что ты почтителен к семье и почти все полученные подарки отсылаешь в поместье маркиза Шоукан. Но... но эту подвеску не отдавай никому, ладно? Я... я подарю тебе ещё много других прекрасных вещей, обещаю! Только эту вещь... не дари никому.

Выпалив это на одном дыхании, Чу Ифэн густо покраснел, развернулся и спешно выбежал прочь из кабинета.

Лин Сяо в недоумении замер. Изначально он действительно подумывал отдать ту подвеску своей младшей сестре Лин Чжи. Однако, вспомнив о скрытом смысле украшения, вовремя передумал — подобные вещицы могли породить ненужные толки. Лин Сяо уже наметил для сестры подходящую партию и не желал привлекать лишнего внимания к её союзу. Сейчас его главной целью было оставаться в тени, скрывая свои истинные помыслы, и уж точно не связывать судьбу семьи с императорскими наследниками напрямую. Именно поэтому он и убрал подвеску подальше.

«Но если взглянуть на поведение Чу Ифэна...» — Лин Сяо задумчиво прищурился.

Юноша коснулся изящными пальцами виска и негромко рассмеялся.

«А этот молодой князь и впрямь на редкость очарователен...» — промелькнуло в его мыслях.

Не придав этому мимолётному разговору большого значения, Лин Сяо с лёгким сердцем направился к выходу, но у дверей столкнулся со старшим императорским внуком Чу Ицзинем, который тоже только что освободился от занятий.

Лин Сяо тотчас склонился в безупречном поклоне:

— Приветствую старшего императорского внука.

Чу Ицзинь шагнул навстречу и бережно приподнял его за локти, мягко улыбаясь:

— Сколько раз просить тебя не скромничать? Называй меня просто старшим братом. К чему эти излишние церемонии между своими?!

— Ваше Высочество добры к своему слуге, но я не смею преступать границы дозволенного, — ответил Лин Сяо, скромно опустив взор. — Будут ли какие-то повеления у старшего императорского внука?

В свои восемнадцать лет Чу Ицзинь уже выглядел статным, зрелым мужем. Он превосходил ростом даже не обделённого статью Лин Сяо и теперь смотрел на него сверху вниз, ласково улыбаясь:

— Разве я могу приказывать тебе? Мне лишь хотелось узнать, как тебе живётся во дворце, нет ли в чём нужды или неудобства. Мой четвёртый брат ещё совсем дитя, он может по недомыслию обделить тебя заботой. Если возникнут какие-либо трудности, не стесняйся, говори прямо мне.

В груди Лин Сяо шевельнулось мимолётное предостережение, но лицо его осталось безупречно спокойным, выражая лишь вежливую признательность:

— Наследная принцесса проявила к вашему слуге величайшую заботу и устроила всё наилучшим образом. У меня нет никаких поводов для жалоб.

— Вот как... — Чу Ицзинь задумчиво постучал сложенным веером по ладони, на мгновение погрузившись в свои думы, а затем вновь лучезарно улыбнулся: — Что ж, тогда я спокоен. Если вдруг попадёшь в затруднительное положение, не раздумывая приходи ко мне. В наших жилах течёт общая кровь, негоже держать себя чужаком.

— Ваш слуга повинуется, — Лин Сяо сотворил глубокий, исполненный изящества поклон.

Чу Ицзинь благосклонно кивнул и не спеша удалился.